

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ТЕСС ГЕРРИТСЕН

*Серия о Джейн Риццолли
и Мауре Айлз*

Хирург

Ученик

Грешница

Двойник

Смертницы

Клуб Мефисто

Хранитель смерти

Гиблое место

Гробовое молчание

■

Жатва

Бешенство

Лихорадка

Химера

Сад костей

Пропавшая девушка

Игра с огнем

ТЕСС
ГЕРРИТСЕН

ДВОЙНИК

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г 39

Tess Gerritsen
BODY DOUBLE
Copyright © 2004 by Tess Gerritsen
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Литвиновой
Оформление обложки
Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

Герритсен Т.

Г 39 Двойник : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. И. Литвиновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-12687-9

Бостонскому судмедэксперту Мауре Айлз не привыкать к виду мертвых людей. Однако на этот раз ее охватывает настоящий ужас. Женщина, найденная убитой в машине возле дома Мауры, похожа на нее как две капли воды. Вскоре выясняется, что убитая — ее сестра-близнец, о существовании которой Маура, удочеренная еще в младенчестве, даже не подозревала. Но чья жестокая воля разделила сестер? И кто на самом деле был мишенью убийцы? Расследование этого необычного преступления уводит в далекое прошлое, полное темных тайн и невероятных открытий...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© И. А. Литвинова, перевод, 2006
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12687-9

Посвящается Адаму и Даниэле

Благодарности

Труд писателя — это труд одиночки, но в действительности ни один автор не работает сам по себе. Мне посчастливилось получать помощь и поддержку от Линды Марроу и Джини Сентрелло из издательства «Баллантайн букс», Мег Рули, Джейн Берки, Дона Клири и великолепной команды Агентства Джейн Ротрозен, а также от Селины Уокер из издательства «Трансуорлд» и, конечно же, от самого главного человека — моего мужа Джекоба. Я глубоко признательна всем вам!

ПРОЛОГ

Этот парень опять наблюдал за ней.

Четырнадцатилетняя Алиса Роуз попыталась сосредоточиться на десяти экзаменационных вопросах, лежавших перед ней на парте, но мысли ее были далеки от начального курса английского; думала она об Элайдже. Она чувствовала на себе взгляд мальчика, который, словно луч солнца, падал на ее лицо, обжигал щеку, и она знала, что краснеет.

«Сосредоточься, Алиса!»

Следующий вопрос экзаменационного листа, размноженного на ротаторе, был пропечатан нечетко, и ей пришлось сощуриться, чтобы прочитать его.

«Чарльз Диккенс зачастую подбирает имена, соответствующие характеристикам его героев. Приведите несколько примеров и объясните, почему герои получили именно такие имена».

Алиса грызла кончик карандаша, вымучивая ответ. Но она не могла думать, когда за соседней партой сидел он, так близко, что она улавливала исходящие от него ароматы хвойного мыла и костра. Мужские запахи. Диккенс, Диккенс... Разве можно думать о Чарльзе Диккенсе, Николасе Никльби и скучном английском, когда на тебя смотрит красавец Элайджа Лэнк? Господи, он такой красивый, этот brunet с голубыми глазами! Глазами Тони Кертиса. Да, именно так подумала она, когда впервые увидела Элайджу: копия Тони Кертиса, который улыбался со страниц ее любимых журналов «Современный экран» и «Фотоплей».

Алиса опустила голову, волосы упали на лицо, и она украдкой, за ширмой светлых прядей скосила взгляд в его сторону. Убедившись в том, что он действительно смотрит на нее, и совсем не тем пренебрежительным взглядом, которым ее окидывали другие мальчишки в школе, эти злые пакостники, в присутствии которых она становилась неуклюжей и тупой, девочка почувствовала, как заколотилось сердце. Мальчишки всегда насмешливо шептались у нее за спиной, но так тихо, что она не могла разобрать ни слова. Она знала: шепчутся о ней, потому что смотрят на нее. Эти же мальчишки прикрепили к ее шкафчику в раздевалке фотографию коровы, они же мычали, когда попадались Алисе в коридоре. Но Элайджа... Он смотрел совсем по-другому. Обволакивающим взглядом. Взглядом кинозвезды.

Она медленно подняла голову и смело встретилась с ним глазами, на этот раз не прячась за спасительной завесой волос. Его экзаменационная работа уже была написана и лежала лицевой стороной вниз, карандаш отложен в сторону. Его внимание было приковано к Алисе; девочка едва дышала, околдованная его пристальным взглядом.

«Я ему нравлюсь. Я это знаю. Я нравлюсь ему».

Она прижала руку к шее над верхней пуговицей блузки. Ее пальцы пробежали по коже, оставляя на ней теплый след. Алиса вспомнила пылкий взгляд Тони Кертиса, устремленный на Лану Тернер, — взгляд, от которого пропадает дар речи и дрожат колени. Взгляд, за которым неизменно следует поцелуй. Почему-то именно в такие моменты изображение на экране становится размытым. Почему так? Почему четкость пропадает именно на том эпизоде, который больше всего хочется увидеть?..

— Класс, время вышло! Пожалуйста, сдавайте работы.

Внимание девочки снова вернулось к экзаменационному листу, лежавшему на парте; на половину вопросов она

так и не ответила. О нет! Когда же прошло время? Она ведь знает ответы. Ей не хватило всего нескольких минут...

— Алиса! Алиса!

Девочка подняла голову и увидела, что госпожа Мериуэзер уже тянет к ней руку.

— Ты что, не слышишь меня? Пора сдавать работу.

— Но я...

— Никаких оправданий! Пора научиться слушать, Алиса. — Госпожа Мериуэзер выхватила у девочки листок и двинулась дальше по рядам.

Хотя Алиса и не слышала, о чем шептались девчонки на задней парте, она не сомневалась, что сплетничают о ней. Девочка обернулась и увидела, как они хихикают, склонив друг к другу головы и заговорщически прикрывая рот ладонью. «Алиса может понять по губам, что мы говорим о ней, она не должна этого видеть».

Вот уже и мальчишки начали смеяться, показывая на нее пальцем. Что здесь смешного?

Алиса посмотрела на себя. И с ужасом обнаружила, что верхняя пуговица оторвалась и блузка разошлась на груди.

Прозвенел звонок, возвещающий об окончании уроков.

Алиса подхватила портфель, прижала его к груди и выбежала из класса. Она не осмеливалась поднять глаза, просто шла, опустив голову и чувствуя, как к горлу подступают рыдания. Она бросилась в туалет и заперлась в одной из кабинок. Пока другие девочки весело щебетали, прихорашиваясь перед зеркалами, Алиса пряталась за закрытой дверью. Она улавливала запахи их духов и каждый раз, когда открывалась дверь, чувствовала, как врывается в помещение струя воздуха. Эти «золотые» девочки в новеньких свитерах по последней моде! Они никогда не теряли пуговиц, никогда не приходили в школу в юбках, которые просились на помойку, в туфлях с картонными подошвами.

«Уходите. Пожалуйста, уходите отсюда».

Наконец дверь туалета перестала открываться.

Прижавшись ухом к двери кабинки, Алиса пыталась слышать, есть ли кто-нибудь в помещении. Сквозь щелку она увидела, что перед зеркалом никого нет. И только тогда осмелилась выйти.

В коридоре тоже было пусто, все разошлись по домам. Больше некому мучить ее. Она шла съездившись, словно желая защититься, по длинному коридору с обшарпанными раздевалками и постерами, объявлявшими о предстоящем через две недели танцевальном вечере по случаю Хеллоуина. Вечере, на который она, разумеется, не пойдет. Унижение, испытанное на дискотеке неделю назад, до сих пор жгло душу и, наверное, останется с ней навсегда. Два часа она подпирала стену в ожидании, в надежде, что кто-нибудь из мальчиков пригласит ее на танец. Наконец к ней все-таки подошел парень, но вовсе не для того, чтобы потанцевать. Вместо этого он вдруг согнулся, и его вырвало прямо ей на туфли. Все, с тех пор с танцами покончено. Она прожила в этом городе всего два месяца, но ей уже хотелось, чтобы мать в очередной раз собрала их пожитки и они переехали на новое место, где можно было бы начать все сначала. Где все наконец пошло бы по-другому.

«Только всегда все оставалось по-прежнему».

Она вышла из школы и зажмурилась от яркого осеннего солнца. Склонившись над своим велосипедом, она так сосредоточилась на отпирании замка, что не слышала шагов. Только когда на лицо ее упала тень, она поняла, что рядом стоит Элайджа.

— Привет, Алиса.

Она резко вскочила, опрокинув велосипед на землю. О господи, какая же она идиотка! Как можно быть такой неуклюжей?

— Трудный был экзамен, правда?

Он говорил медленно и вятно. Это было еще одно достоинство Элайджи; в отличие от других детей он выра-

жался предельно ясно, и голос его звучал уверенно. И никогда не прятал от нее губы. Он знает мой секрет, подумала она. И все равно хочет со мной дружить.

— Ты успела ответить на все вопросы? — спросил мальчик.

Она нагнулась, чтобы поднять велосипед.

— Я знала ответы. Мне просто не хватило времени.

Выпрямившись, девочка заметила, что Элайджа смотрит на ее блузку, которая разошлась из-за оторванной пуговицы. Вспыхнув, она скрестила на груди руки.

— У меня есть английская булавка, — сказал он.

— Что?

Он полез в карман.

— Я сам всегда теряю пуговицы. Это здорово достает. Давай я помогу тебе застегнуть.

Алиса затаила дыхание, когда он потянулся к ее блузке. Она с трудом сдерживала дрожь, пока Элайджа прокалывал ткань и застегивал булавку. «Интересно, он чувствует, как бьется мое сердце? — думала она. — Догадывается ли, что у меня кружится голова от его прикосновений?»

Когда он отступил, девочка перевела дух. Опустив взгляд, она заметила, что теперь блузка выглядит вполне пристойно.

— Так лучше? — спросил он.

— Да. — Алиса помолчала, чтобы собраться с силами. И произнесла с королевским достоинством: — Спасибо тебе, Элайджа. Ты очень внимателен.

Прошло немного времени. Над ними каркали вороны, а осенние листья казались яркими языками пламени, охватившего ветки деревьев.

— Ты могла бы мне кое в чем помочь, Алиса? — спросил он.

— В чем?

«Какой глупый-преглупый ответ! Ты должна была сказать „да“. Да, я все для тебя сделаю, Элайджа Лэнк».

— Я готовлю один проект по биологии. Мне нужен помощник, и я не знаю, к кому еще обратиться.

— А что это за проект?

— Я тебе покажу. Пойдем ко мне домой.

К нему домой. Она никогда еще не была в гостях у мальчика.

Она кивнула:

— Я только заброшу домой учебники.

Элайджа взял свой велосипед. Он был почти такой же разбитый, как у Алисы, с ржавыми крыльями и драным вишневым сиденьем. За этот старый велосипед она полюбила его еще больше. «Мы идеальная пара, — подумала она. — Тони Кертис и я».

Сначала они поехали к Алисе. Она не пригласила его зайти; ей не хотелось, чтобы он видел обшарпанную мебель и облупившуюся краску на стенах. Она забежала в дом, бросила портфель с учебниками на кухонный стол и тут же выскочила на улицу.

К сожалению, за ней увязался Бадди, пес брата. Когда она выходила за дверь, он черно-белой молнией успел прошмыгнуть следом.

— Бадди! — рявкнула она. — Сейчас же домой!

— Похоже, он не очень-то слушается, — сказал Элайджа.

— Потому что он глупый пес. Бадди!

Дворняга оглянулся, вильнул хвостом и рванул на дорогу.

— Ничего страшного, — сказала она. — Он вернется домой, когда нагуляется. — Алиса села на велосипед. — Так где ты живешь?

— На Скайлайн-роуд. Ты бывала там когда-нибудь?

— Нет.

— Придется долго ехать в гору. Ты готова?

Она кивнула. «Для тебя я готова на все».

Они отъехали от дома. Алиса надеялась, что он свернет на Мейн-стрит и они проедут мимо кафешки, где после

школы часто собирались одноклассники — гоняли любимые песни в музыкальном автомате, потягивали газировку. «Они увидят нас вместе, — думала она, — и у девчонок от зависти челюсти отвалятся. Вы только посмотрите: Алиса с голубоглазым Элайджей!»

Но он не повез ее по Мейн-стрит. Вместо этого он свернул на Локаст-лейн, где почти не было жилых домов; вдоль переулка тянулись задворки нескольких офисных зданий и служебная автостоянка консервного завода «Дары Нептуна». Что ж, какая разница. Ведь главное, что она едет с ним. Держась чуть позади, она рассматривала его зад на пружинящем сиденье и напряженные бедра.

Элайджа обернулся к ней, его черные волосы танцевали на ветру.

— Все нормально, Алиса?

— Отлично.

По правде говоря, девочка уже выдохлась, поскольку дорога на выезде из городка резко пошла в гору.

Элайджа, должно быть, каждый день штурмовал Скайлайн-роуд, и ему было не привыкать; казалось, он ничуть не устал — его ноги двигались, как мощные поршни. А вот она с трудом заставляла себя крутить педали. Что-то мохнатое привлекло ее внимание. Она скосила взгляд и увидела, что Бадди бежит следом. Пес тоже выглядел уставшим; высунув язык, он изо всех сил старался не отстать.

— Иди домой!

— Что ты сказала? — оглянулся Элайджа.

— Опять эта глупая собака, — еле дыша, вымолвила Алиса. — Он не отстанет. Еще потеряется...

Она свирепо взглянула на Бадди, но тот продолжал петлять вокруг велосипеда. «Что ж, валяй, — подумала она. — Изматывай себя. Мне наплевать».

Они взбирались на гору по причудливому серпантину. Сквозь деревья проглядывал Фокс-Харбор, оставшийся далеко внизу; послеполуденное солнце окрашивало воду

в медный цвет. Заросли становились все гуще, и вскоре Алиса могла видеть только лес в ярко-красных и оранжевых тонах. Впереди извивалась дорога, устланная опавшей листвой.

Наконец Элайджа затормозил. У Алисы от усталости дрожали ноги, и она едва стояла. Бадди пропал из поля зрения; она надеялась только на то, что пес сумеет найти дорогу домой, потому что не собиралась искать его. Только не сейчас, когда рядом стоит Элайджа, улыбается ей и смотрит своим лучистым взглядом. Мальчик прислонил велосипед к дереву и перекинул через плечо рюкзак.

— Ну и где твой дом? — спросила она.

— Вон там, дальше. — Он показал на дорогу, на обочине которой стоял столб с ржавым почтовым ящиком.

— Разве мы не пойдем к тебе?

— Нет, у меня двоюродная сестра болеет. Ее всю ночь рвало, так что домой нельзя. В любом случае мой проект здесь, в лесу. Оставляй свой велосипед. Дальше пойдем пешком.

Алиса поставила велосипед и последовала за ним. После подъема на гору ноги казались ватными. Они углубились в лес. Деревья росли густо, земля под ногами была покрыта толстым ковром листвы. Алиса храбро шла за мальчиком, отмахиваясь от комаров.

— Так, значит, сестра живет с тобой? — спросила она.

— Да, она приехала к нам в прошлом году. Боюсь, это надолго, если не навсегда. Ей негде больше жить.

— А твои родители не возражают?

— У меня только отец. Мама умерла.

— Ох!

Она не знала, что сказать. В конце концов пробормотала банальное: «Мне очень жаль», но он, похоже, не слышал.

Заросли становились все гуще, и кусты ежевики больно царапали голые ноги. Она с трудом попевала за ним.

Юбка цеплялась за колючие ветки, и вскоре Алиса сильно отстала.

— Элайджа!

Он не ответил. Словно отважный путешественник, мальчик упрямо шел вперед с рюкзаком на плече.

— Подожди!

— Ты хочешь увидеть это или нет?

— Да, но...

— Тогда иди.

В голосе Элайджи чувствовалось нетерпение, и это ее удивило. Стоя в нескольких метрах от него, девочка заметила, что его руки сжались в кулаки.

— Хорошо, — слабым голосом пролепетала она. — Я иду.

Вскоре показался просвет, и они вышли на поляну. Алиса увидела старый каменный фундамент — все, что осталось от заброшенной фермы. Элайджа обернулся к ней, и лицо его озарилось отблеском вечернего солнца.

— Это здесь, — сказал он.

— Что это?

Он нагнулся и отодвинул две деревянные доски, за которыми показалась глубокая яма.

— Загляни сюда, — сказал он. — Я три недели ее выкапывал.

Алиса медленно подошла к углублению и посмотрела вниз. Солнце уже садилось за деревья, и дно ямы утопало в тени. В самом низу девочка смогла различить лишь слой опавших листьев. По краю ямы спускалась веревка.

— Это что, ловушка для медведя или что-то в этом роде?

— Можно и так сказать. Если яму забросать сверху ветками, можно много кого поймать. Даже оленя. — Он показал рукой на дно. — Видишь это?

Девочка нагнулась. Что-то белое поблескивало сквозь листья на дне ямы.

— Что это?

— Это и есть мой проект. — Мальчик взялся за веревку и потянул.

На дне ямы зашуршали потревоженные листья. Алиса наблюдала, как натянулась веревка, когда Элайджа вытаскивал что-то из тени. Корзина. Он вытащил ее и поставил на землю. Когда мальчик смахнул листья, она поняла, что белело в глубине ямы.

Это был маленький череп.

Когда Элайджа разгреб все листья, показались кусочки черного меха и тонкие ребра. Узловатый хребет. Кости конечностей, тонкие, словно пруттики.

— Ну как тебе? Уже и не пахнет, — сказал он. — Прележал здесь почти семь месяцев. Когда я проверял в последний раз, на нем оставалось немного мяса. А теперь все чисто. В мае, когда стало тепло, процесс разложения пошел быстрее.

— Что это?

— Не догадываешься?

— Нет.

Элайджа приподнял череп и слегка провернул его, отделяя от позвоночника. Девочка поморщилась, когда он пихнул череп ей в лицо.

— Не надо! — вскрикнула она.

— Мяу!

— Элайджа!

— Ну, ты же сама спрашивала, что это.

Она уставилась в пустые глазницы.

— Кошка?

Он достал из рюкзака полиэтиленовый пакет и начал складывать туда кости.

— Что ты собираешься делать с этим скелетом?

— Это мой научный проект. От котенка до скелета за семь месяцев.

— Где ты взял кошку?

— Нашел.

— Ты нашел дохлую кошку?

Он взглянул на нее. Голубые глаза улыбались. Но взгляд уже не напоминал о Тони Кертисе; этот взгляд пугал ее.

— Кто сказал, что она была дохлой?

У нее вдруг сильно забилося сердце. Она попятилась.

— Знаешь, мне, пожалуй, пора домой.

— Зачем?

— Уроки. Мне надо делать уроки.

Он легко вскочил на ноги. Улыбка исчезла, сменившись тайным предвкушением.

— Я... увидимся в школе, — пробормотала Алиса, продолжая пятиться назад и оглядываясь по сторонам.

Кругом был все тот же лес. Откуда они вышли? Куда теперь идти?

— Но мы ведь только пришли, Алиса.

Он что-то держал в руке. Только когда он занес предмет над головой, девочка поняла, что это.

Камень.

От удара Алиса упала на колени. Она оказалась в грязи, в глазах почернело, руки и ноги онемели. Она не чувствовала боли, только тупое удивление от того, что он ударил ее. Она поползла куда-то, ничего не видя перед собой. Элайджа схватил ее за щиколотки и потащил назад. Волоча ее за ноги, он расцарапал ей лицо о землю. Она пыталась брыкаться и кричать, но рот забился грязью и травой, а Элайджа все тянул ее к яме. Когда она почувствовала, что уже падает туда, девочка уцепилась за молодое дерево и изо всех сил старалась удержаться.

— Отпусти, Алиса, — сказал он.

— Выгащи меня! Выгащи меня!

— Я же сказал, отпусти. — Элайджа схватил камень и ударил ее по руке.

Она закричала, ослабила хватку и тут же провалилась в яму, приземлившись на подстилку из листьев.

— Алиса! Алиса!

Ошеломленная падением, она посмотрела вверх и увидела кусочек неба над головой. На его фоне выделялся силуэт Элайджи. Он заглядывал в яму.

— Зачем ты это делаешь? — вскрикнула она. — Зачем?

— Лично против тебя я ничего не имею. Я просто хочу посмотреть, сколько времени это займет. Котенку хватило семи месяцев. А сколько понадобится тебе?

— Ты не сможешь так поступить со мной!

— Прощай, Алиса.

— Элайджа! Элайджа!

Доски закрыли дыру, и свет померк. Больше она не видела неба. «Это неправда, — подумала она. — Это шутка. Он просто пытается напугать меня. Он подержит меня здесь несколько минут, а потом вернется и выпустит. Конечно же, он вернется».

Потом что-то застучало по доскам. «Камни. Он заваливает доски камнями».

Алиса встала на ноги и попыталась вскарабкаться наверх, ухватившись за сухую лозу, которая тут же рассыпалась в ее руках. Она стала скрести землю ногтями, но так и не нашла, за что зацепиться, — всякий раз, чуть приподнявшись, девочка скатывалась назад. Ее крики пронзали темноту.

— Элайджа! — орала она.

Но ответом ей был только грохот камней по дереву.

Pensez le matin que vous n'irez peut-être pas jusqu'au soir,
Et au soir que vous n'irez peut-être pas jusqu'au matin.

Каждое утро помни о том, что можешь не дожить до вечера,
А каждый вечер — о том, что можешь не дожить до утра.

Памятная доска в парижских катакомбах

Выставленные в ряд поверх причудливого нагромождения больших берцовых и бедренных костей, черепа свирепо тарасились пустыми глазницами. В двухстах метрах над ней парижские улицы были залиты июньским солнцем, а доктор Маура Айлз ежилась от холода, путешествуя по мрачной галерее, стены которой до самого потолка были выложены человеческими останками. Она была знакома со смертью даже чересчур хорошо и неоднократно встречалась с ней лицом к лицу, проводя вскрытия на секционном столе, но эта экспозиция поражала ее своим размахом. Сколько же костей хранилось в системе туннелей под Городом Света! Маршрут протяженностью в километр позволил ей увидеть лишь малую часть парижских катакомб. Недоступными для туристов оставались многочисленные боковые туннели и набитые костями камеры, чьи зияющие пасти манили даже через запертые ворота. Здесь покоились останки шести миллионов парижан, которые когда-то ощущали тепло солнца, голодали, мучились от жажды, любили, чувствовали биение собственных сердец, движение воздуха в легких. Они и представить себе не могли, что придет день, когда их кости выкопают из священных могил и переместят в этот мрачный подземный склеп.

Когда они станут экспонатами, на которые будут дивиться толпы туристов.

Полтора века назад, чтобы расчистить место для свежего притока покойников на переполненные парижские кладбища, отцы города распорядились эксгумировать кости и перевезти их в просторные ячейки древних подземных каменоломен. Рабочие, перевозившие кости, не стали бездумно сваливать их в кучи, а выполнили свою скорбную миссию с фантазией, создав из останков причудливые композиции. Словно искусные каменотесы, они выстроили высокие стены из чередующихся рядов черепов и костей, превратив разложение в произведение искусства. И они же повсеместно развесили дощечки с выгравированными на них мрачными изречениями, чтобы напомнить всем, кто бродил по этим коридорам: смерть не щадит никого.

Одна из таких дощечек попала на глаза Мауре, и она остановилась, чтобы прочитать ее. Она силилась вспомнить значение французских слов, которые когда-то учила в высшей школе, а тем временем по коридорам пронеслось гулкое эхо неуместного детского смеха, прошелестел обрывок фразы, произнесенной мужским голосом с техасским акцентом:

— Как тебе это местечко, Шерри? У меня мурашки по коже...

Пара из Техаса прошла мимо, и голоса растворились в тишине. На мгновение Маура осталась одна в камерах, дышащих пылью веков. В тусклом мерцании лампочки была заметна зеленоватая плесень, проступившая на черепках. Во лбу одного из них зияла одинокая дырка от пули, похожая на третий глаз.

«Я знаю, как ты умер».

Холод туннеля пробирал ее до костей. Но она продолжала стоять, полная решимости понять надпись, подавить в себе страх с помощью бесполезной интеллектуальной головоломки. Давай, Маура. Три года изучала французский и не можешь справиться? Теперь это стало для нее делом

чести, и все мысли о смертности на время ушли на второй план. Постепенно слова стали приобретать смысл, и она почувствовала, как кровь стынет в жилах...

Счастлив тот, кто знает час своей смерти
И каждый день готовится к концу.

Она вдруг заметила, что вокруг стало очень тихо. Ни голосов, ни эха шагов. Она развернулась и вышла из мрачного помещения. Как же она отстала от группы? Осталась одна в этом туннеле, наедине с мертвыми. Сразу возникли мысли о неожиданных сбоях в электроснабжении, о перспективе заблудиться в кромешной тьме. Маура слышала рассказ о том, как сто лет назад парижские рабочие заблудились в катакомбах и умерли с голода. Она ускорила шаг, чтобы догнать туристов, вновь оказаться среди живых. В этом лабиринте особенно остро ощущалось дыхание смерти. Казалось, черепа смотрят на нее с негодованием и шестимиллионный хор бранит ее за праздное любопытство.

«Когда-то мы были живыми, как ты. Думаешь, тебе удастся избежать нашей участи?»

Наконец она выбралась из катакомб на залитую солнцем улицу Реми-Дюмонсель и жадно глотнула свежего воздуха. Впервые она обрадовалась шуму городского транспорта, плотной толпе прохожих, как будто заново родилась. Краски казались ярче, лица приветливее. «Мой последний день в Париже, — подумала она, — а я только сейчас по-настоящему оценила красоту этого города». Прошедшую неделю она в основном провела в залах заседаний, участвуя в работе Международной конференции по судебно-медицинской патологии. Времени на осмотр достопримечательностей выдалось крайне мало, и даже те экскурсии, которые предложили организаторы конференции, были так или иначе связаны со смертью и болезнями: медицинский музей, старый анатомический театр.

Катакомбы.

Какая ирония судьбы — самым ярким воспоминанием о Париже останется то, что связано с человеческими останками. «Нет, в этом есть что-то нездоровое, — пришла она к выводу, пока сидела в кафе, смакуя последнюю чашечку эспрессо и клубничное пирожное. — Всего через пару дней я снова окажусь в секционном зале среди нержавеющей стали, без солнечного света. А дышать придется холодным кондиционированным воздухом. И сегодняшний день покажется раем».

Никуда не торопясь, она старалась запечатлеть в памяти приятные мелочи, которые ее окружали. Аромат кофе, вкус сдобной выпечки. Опрятные бизнесмены, деловито прижимающие к уху мобильники, затейливые узлы шарфов на шеях дам. Она даже позволила себе пофантазировать, как это делают все американцы, попадающие в Париж: «А может, опоздать на самолет? И задержаться здесь, в этом кафе, в этом восхитительном городе, до конца дней своих?»

Но все-таки Маура поднялась из-за столика и взяла такси до аэропорта. Она оставила и свои фантазии, и сам Париж, мысленно пообещав себе непременно вернуться сюда. Только вот не знала, когда это случится.

Обратный рейс задержали на три часа. «Эти три часа я могла бы гулять вдоль Сены, — ворчала про себя Маура, томясь в зале ожидания аэропорта Шарль де Голль. — Или бродила бы по кварталу Маре, а то заглянула бы в „Ле Аль“¹. Вместо этого она была вынуждена торчать в аэропорту, настолько переполненном, что даже негде было присесть. Когда наконец она оказалась на борту самолета «Эр Франс», настроения уже не было, впрочем, как и сил. Од-

¹ «Ле Аль» — самый большой торговый центр Парижа. (Здесь и далее примеч. ред.)

ного бокала вина и бортпайка ей хватило, чтобы провалиться в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась, только когда самолет начал снижаться над Бостоном. Голова раскальвалась, и заходящее солнце било прямо в глаза. Головная боль усилилась, когда Маура, уставившись на конвейерную ленту, по которой один за другим плыли чужие чемоданы, ждала багаж. Безжалостный стук в висках, сменивший боль, сопровождал ее томление в очереди на оформление претензии по утере багажа. К тому времени, когда она наконец села в такси с единственной сумкой ручной клади, уже стемнело, и ей хотелось только лечь в горячую ванну и принять солидную дозу анальгина. Она откинулась на спинку сиденья и снова задремала.

Ее разбудил внезапный скрип тормозов.

— Что такое? — услышала она голос таксиста.

Взволнованная Маура уставилась туманным взглядом на мигающие синие огни. До нее не сразу дошел смысл происходившего. Но когда стало понятно, что такси уже находится на ее улице, она очнулась и не на шутку взволновалась. Дорогу перегородили четыре патрульные машины со включенными проблесковыми маячками.

— Похоже, что-то случилось, — заметил водитель. — Это ведь ваша улица, верно?

— Да, и вон мой дом. В центре квартала.

— Где стоят полицейские машины? Вряд ли нам дадут проехать.

И словно в подтверждение слов таксиста к машине приблизился полицейский, знаком показывая, что следует развернуться.

Водитель высунул голову из окна:

— Мне нужно высадить пассажирку. Она живет на этой улице.

— Извини, приятель. Но весь квартал оцеплен.

— Знаете, я выйду здесь, — сообщила Маура, наклонившись к таксисту.

Она расплатилась, подхватила сумку и вылезла из машины. Только что она была вялой и сонной; но, окунувшись в тепло июньской ночи, почувствовала витавшее в воздухе напряжение. Маура двинулась по тротуару; ощущение тревоги нарастало по мере того, как она приближалась к дому, возле которого и были припаркованы патрульные машины. Неужели с кем-то из ее соседей случилась беда? В голове возникли самые мрачные гипотезы. Суицид. Убийство. Она подумала о Телушкине, холостом инженерере-робототехнике, который жил по соседству. Не был ли он мрачным, когда они виделись в последний раз? Вспомнила о лесбиянках Лили и Сьюзан, занимавшихся адвокатурой и обитавших с другой стороны, — их излишняя активность в деле защиты прав сексуальных меньшинств могла привести к печальным последствиям. Но вскоре Маура различила абсолютно живых соседок в толпе зевак, и ее мысли вернулись к Телушкину, которого среди зрителей не было.

Лили обернулась и заметила Мауру. Вместо того чтобы помахать рукой, она застыла, уставившись на соседку, и толкнула Сьюзан локтем. Та тоже обернулась, при виде Мауры у нее отвисла челюсть. Спустя некоторое время на нее с крайним изумлением смотрели уже все соседи.

«Почему они glareют на меня? — подумала Маура. — Что я такого сделала?»

— Доктор Айлз? — Бруклинский патрульный тоже вылутился на нее. — Это... это ведь вы? — пробормотал он.

«Что за глупый вопрос», — подумала она.

— Это мой дом. Что происходит, офицер?

— Мм... — пропыхтел патрульный, — пожалуй, вам лучше пойти со мной.

Полицейский взял Мауру за руку и повел через толпу. Соседи мрачно расступались перед ней, словно освобождали проход приговоренному узнику. Их молчание казалось

странным; тишину нарушало лишь потрескивание полицейских раций. Они подошли к желтой ленте оцепления, которую натянули между кольшками, — несколько штук красовались на лужайке господина Телушкина. «Он так гордится своим газоном и вряд ли этому обрадуется», — пронеслась у нее в голове нелепая мысль. Патрульный приподнял ленту, и Маура нырнула под нее, осознав, что попала на место преступления.

Она поняла, что это место преступления, заметив посреди лужайки знакомую фигуру. Даже издалека Маура узнала детектива Джейн Риццоли из отдела убийств. На восьмом месяце беременности маленькая Риццоли выглядела спелой грушей в брючном костюме. Ее присутствие еще больше смутило Мауру. Что делает здесь, в Бруклине, бостонский детектив, ведь это не ее территория? Риццоли не замечала приближения Мауры; ее взгляд был прикован к автомобилю, припаркованному перед домом Телушкина. Явно расстроенная, она качала головой, ее растрепанные темные кудряшки прыгали во все стороны.

Первым Мауру заметил детектив Барри Фрост, напарник Риццоли. Он мельком взглянул на нее, потом быстро отвел взгляд, а затем резко, словно спохватившись, обернулся и, разом побледнев, уставился на Мауру. Не говоря ни слова, он потянул Риццоли за руку.

Джейн остолбенела, и на ее лице, которое то и дело озаряли синие вспышки проблесковых маячков, отразилось недоверие. Будто в трансе, она двинулась навстречу Мауре.

— Доктор, — тихо произнесла Риццоли, — это вы?

— А кто же еще? Почему меня все об этом спрашивают? Почему все глядят на меня, как на призрак?

— Потому что... — Риццоли запнулась. Тряхнула головой, потревожив непокорные кудряшки. — Господи! Я и сама чуть было не решила, что вы призрак.

— Что?

Литературно-художественное издание

ТЕСС ГЕРРИТСЕН
ДВОЙНИК

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Лариса Ершова, Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.09.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBD-26792-05-R